

НЕ ПОДВОДЯ ИТОГОВ

В один прекрасный день, или утро, или вечер, получив задание редакции, вы набираете нужный номер и просите вас принять. Вам любезно отвечают, что, пожалуйста, сегодня же, но только время... Сможете ли вы прийти поздно, в половине двенадцатого? Внутренне охнув, вы тем не менее сразу же соглашаетесь. И вот вечер, и вы в кабинете Сергея Владимировича Образцова, но хозяйина дома нет. Он в театре, у него совещание, звонил, что сейчас будет...

Разумеется, вы понимаете, что это случайность — то, что встреча назначена на столь поздний час. Просто сегодня — закрытие сезона, с завтрашнего дня — отпуск, и все московские дела хочется закончить как можно скорее. Все это так, но все же вам почему-то кажется, что в этой случайности есть и закономерность. Может быть, потому, что Образцов как-то привычно легко назначил для работы столь поздний час — видно, что для него это не впервой. А может быть, потому, что его не было дома — он еще работал. А возможно, «виноват» был кабинет. В нем был порядок, но книги стояли не мертвыми рядами, было заметно, что их то и дело берут с полок, как было видно, что к письменному столу — вернее, к обычному столу, но превращенному в письменный — часто присаживаются. На столе лежали исписанные бумаги, книги, пачка писем, адресованных так: Москва, Театр кукол, Образцову или просто — Москва, Образцову. На конвертах наискосок шли пометки: «Очень хорошее письмо. Ответить», или «Девочка пишет, что отчим мучает котенка», или «Ребята сообщают о покинутой собаке». После стало понятно, почему письма не о театре, не о куклах, а пока все эти пометки на конвертах говорили о воспитанности, энергии и трудолюбии.

Однако, скорее всего, что и вид кабинета, и отсутствие хозяйина, и поздний час — все это было лишь красноречивым дополнением тому, вполне определенному образу, который сложился едва ли не у каждого из нас. С детства мы ходили или слышали о театре Образцова, потом читали статьи и книги, которые он написал, потом видели его документальные фильмы и восхищались им на эстраде, потом стали встречать его на телевизионном экране, и в результате возникло такое понятие, как Образцов. Понятие, связанное с вполне реальным человеком и в то же время живущее как бы вне его. Именно в силу этого, а также просто потому, что хотелось поздравить Сергея Владимировича Образцова, которому 3 июля исполнилось 70 лет, «Неделя» послала своего корреспондента к юбиляру и попросила его ответить на несколько вопросов.

ВОПРОС: Что вам лично, как человеку, дало занятие искусством?

ОТВЕТ: Искусство — средство эмоциональной информации. Если это литература — это монолог, если кино или театр — диалог, но всегда предполагающий того, кто воспринимает. Мне лично кажется, что, занимаясь искусством, нельзя не знать, зачем я говорю и кому я говорю. Это зачем я должен ощущать как существенное, нужное людям, тем самым предполагая, что они это зачем эмоционально для себя еще не оформили, хотя для них, может быть, не тайна, о чем я говорю.

Я завидую таким людям, как Чаплин, как Джульетта Мазина, как Михоэлс, который говорил, что большим человеком в искусстве может быть тот, у кого есть своя тема. Я проверял эти слова, они верны. Я не думаю и не имею права думать, сделал я в искусстве много или мало, но я могу мечтать быть таким, как эти люди.

Я ощущаю искусство как гражданское дело, и не столь важно, что оно дало мне. Важнее — смог ли я дать что-нибудь другим. Но если все-таки, что мне? Что дает хирургу удачная операция? Радость. Ощущение, что ты нужен, — вот и у меня такое же чувство. А вообще я счастливый человек, я делал то, что люблю. Особенно же я люблю концерты — это нечто очень личное, интимное, это часы дружбы, особого — с глазу на глаз — контакта. После концерта мне кажется: я сделал что-то.

Для меня нет разницы между работой в театре и работой в кино. То есть она есть, но эта разница в методе, а не в задаче. Сейчас, например, я хочу сделать картину о любви человека к природе и животным и о том, что воспитывает в человеке эта любовь. После выступления по телевидению я получил более двух с половиной тысяч писем о зверях — какие у кого звери и почему люди к ним привязаны. Режиссер В. Рытченков и я — мы очень надеемся сделать картину-монолог от имени тех, которые видят для себя пользу и радость в общении с природой и зверями. Вспомните Каштанку и Муму — сколько детей они сделали добрее! Я бы поставил им памятник.

ВОПРОС: Вы говорили об искусстве с точки зрения человека, который искусство делает. Ну, а если взглянуть на него с точки зрения тех, кто его «потребляет»?

ОТВЕТ: Искусство — и яд, и лекарство, а они никогда не бывают нейтральными. Ведь мы говорим о том, что искусство несет эмоциональную информацию. Ну, а всякая эмоция бывает либо положительной, либо отрицательной.

«НЕДЕЛЯ»: Но ведь говорят — убил вечер...

ОБРАЗЦОВ: Вот именно — убил. Сила искусства в тысячу раз больше, нежели нам всем представляется. А почему? Искусство фиксирует человека или жизненную ситуацию эмоционально, а это самая сильная фиксация. Мы подчас ставляем без внимания то обстоятельство, что ни один народ не сумел прожить без искусства. С этой точки зрения пресловутое деление на физиков и лириков бессмысленно. Человек и физик, и лирик, его биология связана с эмоциями, и искусство их регулирует, направляет. Иногда на пользу индивидууму, иногда во вред ему.

ВОПРОС: Принято говорить, в обиходе во всяком случае, что есть жанры высокие и какие-то иные, из вежливости их называют простыми. Не кажется ли вам, что подобного рода деление схематично и не отвечает природе искусства?

ОТВЕТ: Образное мышление, способность к ассоциации живут в народе. Вы помните тургеневский романс «Первая встреча, последняя встреча»? (Образцов начинает тихо хныкать напевать). А есть частушка: «Два крылечка, два крылечка в памяти остались, на одном поцеловались, на другом — расстались». Я ставлю безвестному поэту пять с тремя крестами. Тут заключено все — история целой жизни, любви — может быть, единственной. И еще есть частушка: «Печку письмами топила, не подкладывала дров, все смотрела, как горела моя первая любовь». Это невероятно по проникновению. Мне все кажется, что второй любви так и не было.

Мне не интересны примитивисты (скажем, Анри Руссо), но я высоко ценю примитивы, созданные искренне. Сквозь

искренность виднеется талант, мастерство же бывает обманчиво. Как вы, например, относитесь к книжкам, иллюстрациями которых имитируют детский рисунок? По-моему, они ужасны: детям, во всяком случае, они не нравятся — ведь они сами так умеют. Корней Чуковский писал для детей, но он не сюсюкал, не поддразнивал — он распоряжался детскими аксиомами, образами. «Я за свечкой — свечка в печку, я за книжку — та бежать» — какому ребенку это покажется натянутым, выдуманым?..

ВОПРОС: Но для того чтобы уметь, надо знать. Вы же говорите, что при определенных условиях мастерство может закрыть талант. Нет ли здесь противоречия?

ОТВЕТ: Позвольте начать с примера. Некий молодой человек хорошо пел цыганские романсы и доставлял удовольствие родным и знакомым. Его приняли в консерваторию, и первое, что ему сказали, — прекратите петь, пока не научитесь извлекать звуки. Он начал учиться и забыл главное — зачем он пел. Разумеется, я утрирую, но мне хочется сказать, что Шаляпин пел даже тогда, когда не учился петь, и не переставал петь во время учебы. Надо идти впереди образования, как в гипотезе, но, идя, надо подкладывать под себя кирпичи. Надо успевать их подкладывать.

Мой отец, ученый, говорил: новое в искусстве и науке открывают любители, ибо у нового нет профессии. Я уверен, что образованность не должна предшествовать деятельности, но должна обязательно ей сопутствовать. Юноша, который напишет первую статью после окончания института, никогда не станет журналистом.

ВОПРОС: Раз уж вы заговорили о новом, продолжим эту тему. Поговорим о воздействии и восприятии, о связях между ними. Ведь если искусство — эмоциональная информация, то современным идеям должен соответствовать современный язык, хотя искусство и оперирует более стабильными понятиями, нежели наука.

ОТВЕТ: Наша профессия — профессия актера, режиссера живет только в настоящем. Живет в момент данного спектакля и данный момент игры. Актер, как и оратор, должен быть понят сию секунду. Именно поэтому хороший оратор всегда чувствует аудиторию и знает, какие он должен употребить слова, образы, примеры, чтобы воздействовать на нее.

Если режиссер изучил все реалии, характеризующие Париж XVII века, и воображает, что дети поймут, где происходит действие, как только он покажет им химеру собора Парижской богородицы, он глубоко ошибается. Он похвалился эрудицией, но применил ее, как человек недалекий. Надо провести свою мысль через знакомую аксиому — это главное. Но нельзя забывать, что аксиомы меняются.

Искусство — это разговор, при котором создающий берет знакомое и ставит его в такую комбинацию, при которой оно открывается заново. Если же аксиома непонятна или комбинация шаблонна — усилия пропадают даром. Все, кто занимается творчеством, это знают. Знают, что дело в умении раскрыть огромное с помощью знакомого, а не наоборот. С помощью огромного открыть маленькое, как у нас нередко получается.

ВОПРОС: Сергей Владимирович, вам не кажется, что есть некий разрыв между спецификой вашего театра и теми сложными проблемами, которые волнуют мир?

ОТВЕТ: Очередь на наши спектакли все еще стоит на пяти тысячах — а это значит, что мы нужны. Конечно, если братья за все, толку не будет, и каждого вида искусства есть свои рельсы, и их надо ощущать. Мы, например, не можем поставить «Анну Каренину» — трагедия не для нас, зато сатира — наше дело. И романтические спектакли наше дело, и комедийные.

Нет, ущербности я не чувствую — посмотрели бы вы на ребят в нашем зале...

«НЕДЕЛЯ»: Давайте назовем статью «Подводя итоги». Ведь подводить итоги не обязательно только в почтенном возрасте. Смелые люди делали это и в тридцать, и в сорок лет: тогда, когда было что сказать...

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ: А я не хочу подводить итоги — несмотря ни на что. У меня ощущение, что я начинаю, я никак не могу понять, почему мне семьдесят.